

Г.М. АУТОВА

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ИСТОКИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКИ (VIII–IXвв.)

При изучении истории развития устной и письменной литературы тюркских народов, становится очевидным, что и дидактическая литература имеет свои древние корни. Особенно часто мы сталкиваемся с народной мудростью в устном народном творчестве: в сказках, легендах, эпосе, пословицах и поговорках. Дидактический тон имеет также устно-поэтическое творчество. Наряду с идеями, выражаями мечты и чаяния, в них также воплощаются и морально-этические взгляды народа. Кроме того, о более глубоких корнях дидактической литературы, свидетельствуют эпитафии, где зафиксированы древние тексты, отражающие историю и культуру тюрко-язычных народов, которые зародились и веками имели дальнейшее развитие на Великом Шелковом пути. Известно, что памятник – эпитафия, который был сооружен в честь Могиляна, одного из правителей Второго тюркского каганата, у которого тронное имя - Бильге-каган, был обнаружен Н.М. Ядринцевым в 1889 году на берегу реки Орхон в Монголии. Эпитафия была установлена на могиле младшего брата кагана Кюль-тегина - одного из выдающихся военачальников своей эпохи. Поэтому памятник упоминается иногда под названием «надпись в честь Кюль-тегина». Несмотря на то, что в нем было выражено недовольство автора надписи в отношении тюркского народа по поводу их неразумности и недальновидности в политической жизни, и связи с народом табгач, тексты были отражены также и в качестве поучений, наставлений, адресованных к современникам и потомкам. Если рассмотреть фрагменты из текстов, зафиксированных в эпитафии, то можно воочию убедиться в этом. Например, в «Малой надписи» имеется не только обращение к тюркскому народу, но и к тюркским начальникам, где осуждается непокорность, неверность первых своему хану и ошибочные действия последних в отношении созданного племенного союза тюркского народа. Указаны гибельные последствия таких неразумных действий и поступков. Из риторического обращения : «Все, что я (имел) сказать, я вырезал на вечном камне (т.е. памятнике). Смотря на него, знайте (т.е. учитесь) вы, тюркские теперешние начальники и народ!» становится

очевидным, что здесь имеют место наставление, поучение, призывающие тюркский народ быть благородными в своих действиях.

Анализ исторической обстановки, связанной с периодом расцвета дидактической литературы, ее характера (преобладание практической морали), особого значения в ней форм сатиры и риторики, сближающих ее с агитационной и тенденциозной литературой (например, сатирическая Narrenliteratur Реформации), риторический характер литературной продукции раннего христианства, мрачный пафос пуританской дидактики (Бэньян, Мильтон), чувственность и сентиментальность пietистов - все это раскрывает связь роста дидактической продукции с борьбой за определенные идеологии и лежащие в их основе интересы. Именно в эпохи обострения борьбы за эти интересы и выступает дидактическая литература как орудие пропаганды, защиты и нападения.[1] Следовательно, изучаемые нами тексты эпитафии также носят риторический характер, и поучения нацелены на то, чтобы тюркский народ и его правители впредь учились защищать себя от необдуманных поступков, а также и от врагов. Следующий фрагмент из «Большой надписи» также является продолжением разоблачения тех погрешностей младших каганов, «неразумных и трусивых» в управлении народом и их погубных последствиях. Здесь дается высокая оценка каганам-предкам, их мудрости, мужественности, также верности народа и начальников к этим каганам. Убедительно подчеркивается то, что благодаря таким качествам, им удалось долгое время управлять племенным союзом, то есть держать власть. Им противопоставлены младшие каганы. О них говорится следующее:

«... После них стали каганами младшие братья не были подобны в поступках старшим.

После них стали каганами младшие братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели (на царство) трусивые каганы, и их «приказные» были также неразумны, были трусивы.

(6) Вследствие «непрямоты» (т.е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстре-

кания и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих (?) (а также)

Вследствие того, что они (табгач) ссорили младших братьев

Со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей,

- тюркский народ привел в расстройство свой (до того времени)

существовавший племенной союз ...»

В этих двух надписях (Малой и Большой) звучит тон поучения, выраженный на основе антитезы, то есть противопоставления двух поступков: ошибочных - народа и тюркских правителей, благородных - кагана. Противопоставлены результаты этих поступков, которые являются целью наставления, разъясняющей, что «хорошо», а что «плохо». Автор надписи все свои мысли о своем народе преподносит как урок и наставления всем. Одним словом, он призывает тюркский народ на то, чтобы последние учились на своих ошибках, извлекая из этого жизненно важные уроки, и стремились к объединению. Ученые допускают разные мнения относительно жанра текстов эпиграфий. Некоторые из них считают, что древнетюркские тексты являются «эпиграфической прозой» (В.М.Жирмунский), другие «поэзией» (И.С.Стеблева). Рассматриваемые нами фрагменты действительно могут стать выводом того, что истоки развития дидактической литературы уйгуров и других тюркоязычных народов можно обнаружить даже в текстах эпиграфий, относящихся к VIII-X вв., повествующих о событиях, происходящих в V-VII вв.

Через Шелковый путь происходило распространение различных религий, в том числе манихейства и буддизма, следовательно, и соответствующей литературы религиозного содержания, которая пропагандировала идеи того или иного религиозного воззрения. Они, в свою очередь, были в определенной степени дидактического характера, которые могли воплотиться в качестве основной идеи в произведениях того периода. Таковыми являются произведения, написанные в период манихейства и буддизма, дошедшие до наших дней, доступные нам, благодаря чему имеется возможность провести научные исследования. К примеру, обращаясь к древнему произведению «Ырк битиг» (Гадательная книга), один из известнейших тюркологов И. В. Стеблева, выявила в нем атрибуты дидактического мо-

тива, отражающиеся в словах « dg »(хорошо), «jablaq»(плохо). И в качестве примера рассматривала один лишь фрагмент «из группы текстов назидательного характера» [2, с.120.]:

Текст (55)
(XXXVI)

jooq qoby
atly□ qorqynčuη jooq učgu□lu□qutuηjooq tir.
[3, c.82.]

(XXXVI)

200. В обладании многими конями тебе радости нет.

201. При отсутствии коней тебе страха нет.

202. В обладании высоким (предельным) тебе счастья нет, говорят.

203. Так знайте: это очень плохо.[2]

Следует отметить, что в «Ырк битиге», подобно текстам эпиграфий, описывается определенное событие, которое приводит к хорошему результату, либо речь идет о каком-то неприятном, вызывающем отрицательные эмоции, приводящий к плохому. Лишь в конце, в отличие от текстов эпиграфий, делается вывод словами «хорошо» или «плохо». Одним словом, можно допустить такую мысль, что «Ырк битиг» и тексты эпиграфий имеют в определенной степени сходства. Доказательством является, на мой взгляд следующий фрагмент из «Ырк битиг»:

(90) (LVIII) Oyly □gint□ qaŋynta
□bk□l□p□n t□zip□n barmyš jana saqymyš
k□lmiš, □g□m □tin
alajyn, qaŋum, sabyn tyŋlajyn, = tip, k□lmiš, tir.
Anča biliŋl□r. □dg□ ol!

(90) (LVIII) Говорят: (некий) сын, рассердившись на своих родителей, Скрылся (из дома). Но затем загрустил и вернулся домой, говоря: да получу я наставления моей матери. Да услышу я слова моего отца!

Так знайте - это хорошо [3, с. 84.]

Уважение к старшим, особенно к предкам, совершать поступки согласно их наставлениям – все это было отражено во фрагментах Малой и Большой надписях эпиграфия. Если там осуждались поступки молодых (беков) правителей, которые не смогли поступать как их предки-каганы, то здесь речь идет о правильном поступке

сына, который поняв свою ошибку, решил принять наставления своих родителей, черпать их мудрость и использовать ее в свою пользу.

Относительно дидактики в науке принято выделять произведения чисто дидактические, то есть поучительного характера, где речь идет о нормах поведения человека в обществе, а также поэтическую дидактику. К последней относятся стихотворения, найденные среди Турфанских текстов, опубликованные и дошедшие до нас благодаря таким зарубежным ученым, как В. Банг (W. Bang) и Р. Арат и других «Пәнди-несиһәтләр» (Назидания) [4, с. 294-295.], «Атилар сөзи» (Слова отцов) [4]. Позже они были изданы и синьцзянскими исследователями Абдуқәйум Хожа и составителями Турсун Аюп, Исрапил Йусуп).

В поэтических строках того периода можно выявить следующую тематику: о социальных проблемах, о нравственности, справедливости, знаниях, о гармонии внутреннего мира человека с природой, об отношениях между людьми, любви и дружбе, о женщинах, также и о справедливых правителях, изображенных в качестве идеалов народа. Рассмотрим их на конкретных примерах:

«Пәнди-несиһәтләр»

(Назидания)

Текст

Билиг билиң ый бәгим,
Билиг сана әш болур.
Билиг билгән ол әргә
Бир күн дәвләт туш болур.

Билиглик әр билинә
Таш курсанса қаш болур.
Билигсизниң ыйаниға
Алтун койса таш болур 4, там же]

Перевод

Ей, мой бек, овладевай знаниями,
Знания станут вашим спутником.
Мужчине, овладевшему знаниями,
Однажды благосостояние (тебе)
будет суждено.

Если в пояс мужчины,
владеющего знанием,
Втиснуть камень,
то он превращается в драгоценный
нефрит,
Если рядом с невеждой
Положить золото,
то оно превратится в обычный камень.*
В настоящем стихотворении имеет место идея,

призывающая беков(правителей) к знаниям, и придающая последнему большое значение. В первой строфе дается обращение к беку «бегим», то есть «мой бек», и говорится о пользе знания: «Бир күн дәвләт туш болур» (Однажды обретешь благосостояние, трон). В последней воспевается значение знания с помощью антитезы, в которой владеющий знаниями мужчина противопоставлен невежде, а драгоценный камень нефрит - обычному камню. Здесь же использовано сравнение, где первый уподобляется (каш)нефриту, а второй - обычному камню (таш). И это сравнение неслучайно, так как в источниках, относящихся к истории Великого Шелкового пути, говорится: «Наряду с «лазуритовым» путем в древности существовал «нефритовый» путь, связывающий области Хотана и Яркенда с Северным Китаем. Как свидетельствуют материалы экспедиций Ф.Стейна, П.Пеллио и Ф.Бергмана, местное население освоило изготовление нефритовых изделий (полированных топоров) в неолитический период (время гобийской неолитической культуры) [5, с. 352.] Подобные наставления, советы воплощаются в следующем стихотворном цикле «Атилар сөзи» (Слова отцов), состоящем из 11 стихотворных строф. Этот цикл объединяет стихотворные четверостишия и двустишия, которые в смысловом отношении отражают в себе различные дидактические мотивы. В них даются советы о том, как человек должен вести себя в той или иной жизненной ситуации, при общении с людьми. Здесь особо отмечаются такие человеческие качества как благородство, правдивость, смелость, внимательность, и придается к ним большое значение. С самого начала ознакомления с текстом выясняется, что каждое четверостишие или двустишие выражает отдельный назидательный мотив. В связи с этим, нам необходимо было рассматривать их не в порядке расположенности в контексте, а под каждым отдельным мотивом. Например, мотив назидания о человеческих поступках выражается в следующем:

Текст:

Құлмағу қилиқларни
Ашнучасанмиш кәрәк
Санмадин кильмишта кин
Нәтигин танмиш кәрәк.[4]

Перевод:

Прежде чем совершить поступки
Неподобающие, надо подумать.
Если совершил не подумав, не надо
Отрекаться в этом (надо признаться).*
Здесь говорится, что прежде чем совершить

какой- либо поступок, человек должен подумать о последствиях, а совершив, не должен отрекаться от содеянного, ибо признание своей вины также считалось проявлением благородства. Назидательные строки порой напоминают нам о народных пословицах и поговорках. В структуре следует обратить внимание и на поэтическую фигуру – параллелизм. В стихотворных строфах параллелизмами являются полустишия, описывающие природу и природные явления или деятельность людей в их бытовой жизни. Они имеются и в назиданиях, отражающих мотивы, относящиеся к взаимоотношениям между людьми и их поступкам. Например:

Текст:

Кириккән тонлар кирин
Сув өзә йумуш кәрәк
Сөз кири кәтмәс йуса
Нәтигин қилмиш кәрәк.[4]

Перевод:

Если одежда испачкалась грязью,
Надо смыть водой.
Но грязь слов не смоешь,
Как быть в этом случае.*

В этих строках использован параллелизм, где действие в начальных двух строках параллельно сопоставляется второму, имеющемуся в последующих строках. Обидное слово, которое наносит удар и боль душе человека, сопоставляется с обычной грязью, которая пачкает одежду. Однако «обычную грязь легко смыть, а «грязь слов», которая пачкает душу - трудно устраниТЬ»,- говорится в назидании, заключающем в себе такой смысл: человек при общении с людьми должен стараться не обижать, не ранить душу другого. В следующих стихотворных строках большое значение придается дружеским отношениям между людьми, то есть смысл наставления в том, что человек должен выбрать для себя хороших и благородных друзей, ибо они укажут ему праведный путь.

Текст:

Иш қылғу әдгү ишни,
Көркитур кони йолни
Кәсмәнләр әгри тални
Тәбәсингә мивә бар [4]

Перевод:

Хочешь дружить, дружи с хорошим,
Он тебе укажет праведный путь.
Не рубите иву, склонившуюся (нежную),
Ведь есть на ее ветвях плоды.*

Последние две строки четверостишия, являясь параллелизмом, одновременно выполняют

роль сравнения, где благородный человек уподобляется плодовому дереву, приносящему пользу людям. Слово «тал», хотя и переводится как «ива», дает представление о склонившихся ветвях плодового дерева. Внимание к женщине со стороны мужчины, особенно невинной, также считалось благородным поступком. Смысл назидания заключается в том, что такие женщины имеют права быть почтенными перед мужчиной и должны цениться им.

Текст:

Айипсиз тишикә әр
Бойин сунмиш кәрәк
Ол антағ тузун бирлө

Тириглик қилмиш кәрәк[4]

Перевод:

Невинным женщинам
Мужчины должны шею склонить.
С такой порядочной (женщиной)
Надо вместе жизнь прожить.*

Добродетельный мужчина уподобляется драгоценному камню, то есть перлу, а недобродетельный - портняке в сапогах:

Текст:

Әрдәмлиг киши әрдини бирлә туз ол
Әрдәмсиз киши өтүк ичиндәки улияқ бирлә
Туз ол. [4]

Перевод:

Добродетельный человек подобен перлу,
Недобродетельный - портняке в сапогах.*

С помощью антитета «әрдәмлиг киши» (добродетельный человек)- «әрдәмсиз киши» (недобродетельный человек), «әрдини бирлә» (как перл) - «улияқ бирлә» (как портняка) высоко оценивается в людях благородство. Известно, что с давних времен в человеке ценились такие качества, как смелость, бесстрашие и героизм. И поэтому, неслучайно, в «Атилар сөзи» (Слова отцов) имеются такие стихотворные строки:

Текст:

Әр кути бәлин
Сув кути тәрин. [4*]

(Приведенные выше стихотворные строки были опубликованы Р. Рахмати в труде «Тюркские письменные памятники Турфана» в «Сборнике Академии наук Германии». №7, С. 54. [4.]

Перевод:

Счастье мужчины в бесстрашье,
Счастье воды в глубине.*

Слово «кут» в данном контексте может означать и оценку, где бесстрашье в мужчине приравнивается счастью, и с помощью параллелизма «глуби-

на воды», усиливается значение этого человеческого качества. Параллелизмы могут передаваться в двустишиях и одной стихотворной строкой:

Текст:

Йағмур йағса қапун болсун йапинғу көрөк
Йавуз киши яқын кәлсә абинғу көрөк.[4]

Перевод:

(Если) дождь пойдет, надо укрываться.

Недобрый человек приблизится, то надо быть бдительным*.

Это назидание учит человека быть осторожным с недобрьими людьми, всегда сохранять бдительность и оберегать себя от беды. Одним словом, «укрываться от них» как от дождя. Природные явления - «әгри тал» (склонившаяся ива или плодовое дерево), «йамғұр» (дождь), «тәрин сув» (глубокая вода) - играют большую роль в художественном оформлении текста, а также в усилении основного смысла в данных стихотворных строфах. В следующих стихотворных строках большое значение придается настоящей истине, за которую можно отдать жизнь:

Текст:

Ақиқат болса тузун
Аңа жан бәрмиш көрәк
Мәңи чин ол мәни ок
Таки нә аймиш көрәк.[4]

Перевод:

Если истина настоящая,
За нее надо жизнь отдать.

Вечно она подлинна, вечно как стрела (выстреленная)

Еще что нужно сказать об этом. (слова здесь излишние)*

При изучении нами текстов, опубликованных синьцзянскими исследователями «Атилар сөзи» (Слова отцов), определилось, что две части текста были извлечены из разных источников, затем объединены в одно целое. Также при сравнении его с текстами, опубликованными Р.Аратом, выявился другой вариант «Атилар сөзи». В данном варианте стихотворного цикла отсутствует часть, где расположены строфы в форме четыростиший, но имеются некоторые двустишия, отсутствующие в синьцзянском издании. Можно заметить разницу и в структуре текстов, где одно и то же назидание дается лишь одной строкой или двумя стихотворными строками. Конкретным примером того может стать следующая стихотворная строка, приведенная Р.Аратом:

Ер кути белинг сув кути теринг[6, 274.]

В синьцзянском издании:

Әр кути бәлин

Сув кути тәрин. [4, 305-309.]

Кроме того, в варианте, изданном Р.Аратом, имеется около десяти стихотворных строк, напоминающих народные пословицы и поговорки.

Таким образом, дидактические мотивы, имеющие место в древних поэтических текстах, свидетельствуют о более древних истоках поэтической дидактики, которые в дальнейшем нашли свое отражение в известном труде XI века «Дивану лугат-ат түрк» Махмуда Кашгари, а также в поэтических произведениях «Кутадгу билиг» Юсуфа Хас Хаджипа и «Хибат ул хакайик» Ахмета Югнаки и многих других, созданных поэтами в последующие века, сыгравших большую роль в развитии дидактического жанра в тюркоязычной литературе на Великом Шелковом пути.

Примечание:

[4, там же]. (Стихотворение, приведенное выше, было опубликовано В. Бангом (W. Bang) и Р.Р. Аратом (R.R.Arata) в 1933 году в Англии в журнале «Великая Азия» в статье «Древне-Турфанская народная поэзия», с. 303-304.

[4*] (Приведенные выше стихотворные строки были опубликованы Р. Рахмати в труде «Тюркские письменные памятники Турфана» в «Сборнике Академии наук Германии». №7, С. 54.).

* Подст. перевод с современного уйгурского яз.- мой.
(А.Г.М.)

ЛИТЕРАТУРА

- Литературная энциклопедия 1929-1939 гг.
- Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в ранне-классический период. М., 1976.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-1952.
- Абдуқәйім Ҳожа. Қәдимқи уйғур язма ядикарлардын талланма. Үрүмчи. Шинжаң ҳәлиқ нәш., 1984.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М. 1988 г.
- Arat R.R. Eski turk siri. Ankara, 1986.

Резюме

«Ұлы Жібек жолы және поэтикалық дидактиканын (VIII–X ғғ.) дереккөздері» атты мақалада ежелгі түркі поэзиясында (VIII–X ғғ.) жалпы дидактикалық әдебиеттің негізі ретінде орын тауып, оның кейінгелеғасырларда жаратылған үлкен әдеби шығармаларда дамуына ықпал еткен дидактикалық мотивтер туралы айтылады.

Summary

In this article an author considers Turkic poetry (VIII-X cc.), particularly, the way and origin of didactic poetry. Motives of admonition the author considers as a source of Turkic didactic poetry. The Turkic didactic poetry has a long history of development and will continue own function in next centuries.